

ЖАДЯЕВ Д. В.
УДК 141.145

DE CULPA RATIONIS

У статті підводиться під сумнів проблема, яку піднімають найсучасніші течії філософської та наукової думки, зокрема про те, що саме абсолютистські погляди на світ у епоху класичної метафізики зумовили недбале ставлення до природи, нівелювали уявлення про унікальність індивіда. Робиться спроба реабілітувати етику класичної філософської думки та висвітлити непослідовний раціоналізм до якого і мали б бути слухними аргументи сучасної епохи.

В статье ставится под сомнение проблема, которую поднимают современные направления философской и научной мысли, в частности о том, что именно абсолютистские взгляды на мир в эпоху классической метафизики и обусловили пренебрежительное отношение к природе, нивелировали представления об уникальности человека. Совершается попытка реабилитировать этику классической философской мысли и выявить непоследовательный рационализм, к которому и могли бы быть адресованы аргументы современной эпохи.

This paper consist some doubts regarding the problem which was set up by modern directions of philosophical and scientific thought. Especially it deals with so called absolutistic views on the world in the epoch classic metaphysics. It was somewhat supposed that today's ecological and humanitarian problems were caused by all those absolutistic points of view. An attempt to rehabilitate an ethics of classical philosophical thought is making here. Also it is suggested to distinguish an inconsistent rationalism from the rationalism as such.

Ключові слова: раціоналізм, етика, розум, І. Кант, А.Н. Вайтгед, природа, людина.

Ключевые слова: рационализм, этика, разум, И.Кант, А.Н. Уайтхед, природа, человек.

Key words: rationalism, ethics, reason, I.Kant, A.N.Whitehead, nature, human.

Одной из ключевых задач современности является поиск конструктивного синтеза между рациональным и иррациональным, знанием и верой, прагматическим взглядом на мир и альтруизмом и т. д. Предполагается, что решение должно быть найдено в синтезе науки, религии и философии. Однако такое решение найти непросто: теолог, ученый и философ видят мир по-своему (собственно, при достижении консенсуса в таком фундаментальном вопросе, весьма вероятно, что для каждого из них может вообще исчезнуть и сама причина для того, чтоб идентифицировать себя как теолога, ученого или философа!). Как справедливо отмечают исследователи, помимо этого «принципа

дополнительности», существует еще другая трудность – эффект запаздывания: стратегии формируются лишь после свершившихся фактов¹. Проблема соотношения рационального и иррационального представляется Сциллой и Харибдой в бушующем море социальных явлений. Но нет смысла проходить через них – эти крайности кажутся заведомо непроходимы (то или иное соотношение рационального и иррационального будет существовать всегда)! Наша задача состоит в том, чтобы сместить перспективу взгляда на эту проблему и, может оказаться, что эти противоположности лишь при взгляде в упор сталкиваются друг с другом. В



действительности же, они смещаются по принципу ножниц, лезвия которых даже не соприкасаются (ведь миф не говорит о том, что скалы при ударе хоть немного раскалывались!). Стало быть, может появиться шанс, при необходимости, между ними даже «стать на якорь»!

Не формулируя определенный ответ и не претендуя на окончательное решение проблемы, мы попытаемся прояснить роль рационального в том или ином социальном и историко-философском контексте. Наша задача – выявить дисперсию понятия рационального, слишком широкое толкование которого, по нашему мнению, привело к слишком узкому его пониманию.

На основе трудов мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени мы приходим к заключению, что особенно логоцентризм получил толчок в Европе (хотя нельзя не оговорить, что этому весьма способствовали разработки средневековых схоластиков и древних греков). Естественно, что каждый культурный регион должен иметь свою метафизику, свои ориентиры. Рационализм, порожденный в прошлом, приводит в итоге, к принципам всеобщности и необходимости, объективности разума. Эта объективность, все расширяясь, стирает границы отдельных культур, растушевывая и искажая их, разрушая (а может, только подвергая деконструкции в понимании Ж. Дерриды?) выработанные годами, созданные естественным путем онтологические основания. Таким образом, появляется нигилизм: ценности подменяются псевдоценностями, традиции сменяются инновациями (полезность которых может быть весьма сомнительной для каждого отдельного региона), а часто, под видом инноваций скрытно, как бы контрабандой, приносится новая форма ценностей с тем, что бы иметь возможность оказывать влияние на ее реципиента (поставив его в зависимость от собственных ресурсов).

Проблемой соотношения рационального и иррационального занимался практически

каждый мыслитель со времен Платона. В данной статье мы рассмотрим подходы такого философа как И. Кант, некоторых современных исследователей, ознакомимся со взглядами А. Н. Уайтхеда. В частности, были исследованы работы Ханса-Георга Гадамера «Идея университета»; Р. Декарта «Первоначала философии»; И. Канта «Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума», «Антропология с прагматической точки зрения»; Пеликана Я. «Идея университета»; Фихте И.-Г. «Несколько лекций о назначении ученого», «Табачковского В. Г. «Мы в философии или философия в нас?»; Халапсиса А. В. «Проблемы и перспективы духовного пути Запада»; М. Вебера «Наука как призвание и профессия»; Адорно Т. Хоркхаймера М. «Диалектика просвещения»; Уайтхеда А.Н. «Процесс и реальность», «Функции разума» и др.

Существование «не таких, как мы», соседей в историческом горизонте, является камнем преткновения в вопросе о том, как нам жить и что делать? Действительно, человек, рассуждая о мире, выносит суждения от первого лица. С другой стороны, он на это «обречен», ведь он не может говорить за других! Следовательно, вина, которую приписывают классикам эпохи Просвещения, должна быть пересмотрена. Философы XVIII-XIX вв., в апелляции к чувственной стороне человека, приписывают своим предшественникам попытку «мыслить за других». Но с ними можно согласиться лишь в том, что нельзя чувствовать за других, мыслить же – отчасти возможно, ведь мышление так же бывает разным (формально-логическим, диалектическим, нелинейным и т. д.).² То есть ориентация на разум способна привести к одинаковым результатам. «Побочные эффекты» непомерно разросшегося рационального в наш век глобализации проявляются в том, что современное мышление старается вывести религиозные вопросы за рамки обсуждающихся проблем культуры, демонстрируя при этом, как

отмечают исследователи, собственную веру в свою самодостаточность. Как итог, рационально обоснованное государственное устройство, номинально провозгласившее свои ценности (демократия, свобода и т. п.) на деле имеет симулякр: копия оригинала, выдающая себя за сам оригинал (см., например, [9; 292-397]). Происхождение такой подмены современные исследователи приписывают рационализму. «Деонтологизация культуры и вызванный ею духовный кризис оказались не в последнюю (если не в первую) очередь следствием гипертрофирования роли рационального начала в жизни человека и общества» [18; 58]. Запад, который и породил парадигму рационального, номинально провозглашающий себя христианским, реально становится нигилистическим. Делаются выводы, что, тотальность рациона нивелирует ценности.

Нам бы хотелось уточнить, что проблема может решиться не при «смирненном» ущемлении разума в его правах, а при последовательном его рассмотрении. В самом деле, если разум можно упрекнуть в его слепой вере в свое рациональное, то и с точки зрения разума можно спросить: а как можно рационально обосновывая, логически аргументируя свои суждения, доказать, что вера восстановит баланс в отношении мира и человека? Т. е. для опровержения полномочий разума нам все-таки приходится исходить из него самого (оставаться в его рамках).

Конечно, в современной философской традиции предполагается, что вопрос о соотношении веры и знания был решен Кантом: все суждения, под которые можно подвести данные опыта мы можем с уверенностью называть знанием, остальное – верой. Но как быть с фактом изобретения радио: на основе логико-математических операций были созданы уравнения, затем они были применены к электромагнетизму и, как результат, любой человек может слышать голос и музыку (как данные опыта), совершенно не зная как оно работает [2; 56-

57]. Таким образом, как будто, подтверждается принцип, который был предположен Лейбницем: каждая душа знает все, знает все, но смутно. Нельзя сказать, что такое техническое изобретение принесло безусловное благо человеку, но мы не можем и винить человека за это открытие. Человек сам, основываясь на собственном разуме должен сам решать, как это использовать, самостоятельно, при этом, ставя себе цели. В самом деле, ведь сегодня в «мир орков и эльфов» его «загоняет» как раз отсутствие рационального использования собственного времени.

Тезис о тождестве бытия и мышления, который мог быть стимулом в развитии панлогизма, сам противоречив – он не учитывает в бытии еще наличие других сознаний (которые являются внеположенными данному мышлению, т. е. природой. А если этот тезис абсолютно верен, то все многообразие внеположенных сознаний должно так же детерминировать само рассматривающее их мышление что, в свою очередь, должно опровергнуть сам тезис).

А. Н. Уайтхед в своем фундаментальном труде «Процесс и реальность» указывает, что «Это надежда рационализма на то, что нам не удастся впасть в поиски в опыте каких-либо элементов, внутренне неспособных явить себя как образцы для общей теории. Эта надежда - не только метафизическая предпосылка. Это есть вера (faith), которая формирует мотив для последующих поисков для всех таких наук, включая метафизику» [1; 42]. Таким образом, сам рационализм уже всегда совмещен с определенным рода верой и надеждой. Более того, должна существовать и природа интеллектуального действия (nature of intellectual action) [Там же]. Эта природа, по Уайтхеду, так же есть сохранение этой веры. Следовательно, каждая наука в каком-то смысле проистекает из религии, более того, впадает в религию [Там же], [18; 57]. Британский философ пытается так же подвергнуть сомнению приоритет категорий пространства и



времени, от которых, по нашему мнению и могла произойти культура смеха и зрелищ. В самом деле, пространство on-line воздействует только на орган зрения (восприятие пространства). Но беда не в том, что однажды категории пространства и времени были сформулированы как приоритетные, а в том, что были сформулированы только они! Уайтхед, еще до изобретения компьютерных игр, (которые сейчас могут пониматься философами как бастард рационализма), предупреждал, что для познания недостаточно категорий пространства и времени (которые не могут быть первичны в силу логической своей формулировки): необходима «живая ссылка» на предметы. [3; 108-125].

В самом деле, уже не прибегая к Уайтхеду, мы можем ясно видеть, что рационализм сам по себе не есть причина деградации и упадка (он сам содержит в себе и веру, и надежду). Синтез религии, науки и философии как институтов (тел веры, знания и поиска), не видится возможным. Однако налицо, как это ни парадоксально, прямо противоположная ситуация: и теолог, и философ, и ученый в предельных случаях могут совмещаться в одном человеке³. Порозынь они только в социальной плоскости. Рационалист Декарт в «Первоначалах философии» писал: «25. Следует верить всему, что нам дано в откровении Богом, пусть это и превышает меру нашего восприятия» [8; 324] и подчинял все свои взгляды авторитету Церкви. [там же, 422]. Фрэнсис Бэкон, в изречении которого «scientia potentia est» усматривают истоки технократизма, провозглашал, что господствовать над природой можно, только подчиняясь ее законам.

Наиболее яркое явление рационализма - логически выверенная этика Канта - способна терапевтически воздействовать на современные явления меняющейся и подменяющейся действительности: если человек отдает себе отчет в конечности своего эмпирического существования, а это для него явно неутешительно, то ему ничего

не остается, как следовать прежде рационально обоснованной идее (душе) существования института (как тела), работником которого он сам является и в котором он проводит, по существу, свою жизнь. При этом остается добрая память, а главное, отсутствует знание о конечности сознания: «...Мысль: меня нет – вообще не может существовать; ведь если меня нет, то я и не могу сознавать, что меня нет. Я могу, конечно, сказать: я нездоров и т. п., предикаты относительно себя самого я могу мыслить отрицательными (как это бывает при всех *verbis*), но если, говоря в первом лице, отрицают самый субъект, то в таком случае субъект сам себя уничтожает, и это есть противоречие» [12; 402] – это безупречно рациональная логика, которая понуждает мыслящего субъекта жить идеей [7; 169-184]. Именно такое отношение к миру – фихтеанское следование своему назначению – и видится наиболее адекватным приемом по возвращению и реабилитации подлинных ценностей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что мы не случайно в предыдущем абзаце выделили словосочетание «мыслящий субъект» курсивом. Дело в том, что вышеприведенный рационализм может привести к более ужасающим последствиям, чем несправедливость судей и подобные явления подмены идеи института желанием личного счастья (когда ошибочно подразумевается, что возможность получения материального удовольствия всегда будет только возрастать). Ведь Кант рассуждает от первого лица, а значит, максимально отстраняется от императивных форм высказывания. То есть, если мы станем УЧИТЬ бессмертию души, то результатом можем иметь узаконенное насилие. От подобного рода экстраполяций рационального и происходят все ошибки непоследовательного рационализма. Следовательно, вина может быть вменена не рационализму, как таковому, а лишь одной из его форм – непоследовательному рационализму.

Функция различных религиозных организаций (как тела веры) в сравнении с университетом (телом знания, порождением рационалистической мысли Запада) в решении указанных проблем видится значительно менее важной. К этому подводят наблюдения действительности, а не только теоретизирование: университеты появляются независимо от вероисповедания (даже в исламских и религиозно нетерпимых государствах) и гораздо больше объединяют молодых людей (правда, если только в них действительно «живут идеи»)! Религиозные организации (не религия сама по себе!) готовы на любое рациональное обоснование своего превосходства и часто не останавливаются в убеждении неофита, даже если его родственники придерживаются иных конфессий. Подмена души религии тем или иным телом (организацией) привлекает на куда более серьезные полигоны вражды, чем мир «орков и эльфов».

Библиографические ссылки:

- Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. New York, The Free Press, 1978.
- Whitehead A.N. The Function of Reason. Beacon Press Beacon Hill Boston, 1959.
- Whitehead A.N. "Uniformity and Contingency," The Interpretation of Science. Selected Essays: The Library of Liberal Arts., The Bobbs-Merill Co., Inc, 1961
- Адорно Т. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум-Ювента, 1997. – С. 5-104; 257-310. (Главы: Предисловие. – Понятие просвещения. – Экскурсы 1. Одиссей или миф и просвещение. – Зарисовки и наброски)
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: 1991.
- Гумбольдт, В. Про внутрішню та зовнішню організацію вищих наукових закладів у Берліні // відскановано за виданням: Ідея університету: Антологія. – Львів: Літопис, 2002. – С. 25-33.
- Гадамер, Г.-Г. Ідея університету – вчора, сьогодні, завтра / відскановано за виданням: Ідея університету: Антологія. – Львів: Літопис, 2002. – С. 169-184.
- Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
- Делез Ж. Платон и симулякр. Перевод Наймана фрагмента "Platon et le simulacre" выполнен по изданию "G. Deleuze. Logique du sens. – Paris.: Editions de Minuit, 1969, p.292-397. [Электронный ресурс] www.philosophydu
- Жак Деррида в Москве. Пер с фр. и англ./Предисл. М.К. Рыклина. – М.: РИК «Культура», 1993. – 208 с.

- Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т.4. Ч.1. – М.: Мысль, 1965.
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. в 6 т. Т.6. М.: Мысль, 1986. – 743 с.
- Капитон В.П., Капитон О.В. Образование и загадки человеческой природы. // Вісник ДНУ Філософія. Соціологія. Політологія. – Випуск 15. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2007.
- Пелікан Я. Ідея університету // Фрагменти перекладу надано видавництвом «Дух і Літера».
- Табачковский В.Г. Ми у філософії чи філософія в нас? // Філософська думка. – К., 1998. №4-6 – С. 95-117.
- Фихте И.-Г. Несколько лекций о назначении ученого // Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М.: Ладомир, 1995. – 655 с.
- Халаписис А.В. Метафизика и парадокс времени // Філософія. Культура. Життя: міжвузівський збірник наукових праць. – Випуск 29. – Дніпропетровськ: Дніпропетровська державна фінансова академія, 2007. – С. 202-214.
- Халаписис А.В. Проблемы и перспективы духовного пути Запада // Гуманітарний журнал, 2007. – С. 56-60.
- Чжуан-цзы. Ле-цзы. Философское наследие. Том 123. М.: Мысль, 1995.
- Шевцов С.В. Образование как объект историко-философского анализа в контексте интеграции культур. Диссертация на соискание научной степени кандидата философских наук. Днепропетровск, 2000. – 178 с.

1 Эта же причина ставит под сомнение существование некоторых отраслей юридических, медицинских и др. наук новый закон разрабатывается лишь как реакция на уже сложившуюся ситуацию (того, что позже называется преступлением); лекарство создается лишь после обнаружения заболевания (оно, лекарство, разрабатывается на основе наблюдений над природой, но как быть, если сама природа демонстрирует наблюдателям изощренность в «разработке» заболеваний? Это последнее обстоятельство как-то не учитывается.)

2 Сложность этого вопроса была описана еще во 2в. до н. э. – 9 в. н. э. в трактате «Чжуан-цзы»:

«Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались через Реку Хао. Чжуан-цзы сказал: «Как весело играют рыбки в воде! Вот радость рыб!»

- Ты ведь не рыба, - сказал Хуэй-цзы, - откуда тебе знать, в чем радость рыб?

- Новель ты не я, - ответил Чжуан-цзы, - откуда же ты знаешь, что я не знаю, в чем заключается радость рыб?

- Я, конечно, не ты и не могу знать того, что ты знаешь. Но и ты не рыба, а потому не можешь знать, в чем радость рыб, - возразил Хуэй-цзы.

Тогда Чжуан-цзы сказал: «Давай вернемся к началу. Ты спросил меня: Откуда ты знаешь радость рыб? Значит, ты уже знаешь, что это знаю, и потому спросил. А я это узнал, гуляя у реки Хао»...

(Чжуан-цзы. Ле-цзы. Философское наследие. Том 123, Москва. Издательство «Мысль», 1995).

3 Например, философское в религиозном может быть выражено последними словами распятого Христа.